

ИЗЪ ПАРИЖА.

(Бѣлыя салютки.)

Je raconte simplement ce que j'y ai vu
ou ce que j'ai cru y voir.....

Molinari.

Измученный тринадцати-часовымъ сидѣньемъ въ вагонѣ, я крѣпко заснулъ, подъѣзжая, часовъ въ пять утра, къ Парижу. Мнѣ пригрезилась очень живо такая картина:

....Полуденное солнце сильно грѣетъ. Полкъ, растянувшись двумя черными лентами, съ золотою бахромою касокъ, по обѣимъ сторонамъ шоссе, подходитъ къ губернскому городу Л...ну. Около заставы эскадроны поворачиваютъ съ шоссе направо и строятся въ колонну. Здѣсь приказано дожидаться генерала, который будетъ насъ «смотрѣть».

Люди, спѣшившись, принялись оправлять вьюки и чиститься. Чиститься необходимо: на дорогѣ стоитъ страшная пыль, которая пробирается въ носъ и горло, затрудняетъ дыханіе и покрываетъ толстымъ слоемъ лицо, платье и коня. Офицеры сходятся у лѣваго фланга лейбъ-эскадрона и сообщаютъ другъ другу толки и предположенія о предстоящей дневкѣ въ городѣ.

На дорогѣ изъ города показались два всадника. Всѣ пово-

рачиваются въ ту сторону и присматриваются; нѣсколько чело-
вѣкъ приставляютъ даже руку къ глазамъ, въ родѣ зонтика.

«Ужь не генераль ли?» замѣчаетъ кто-то; но большинство
рѣшаетъ, что не генераль, а квартиргерствующій поручикъ съ
вѣстовымъ. Всадники приближаются.

Замѣтивъ насъ, поручикъ подымаетъ свою рыжую вислоухую
кобылицу въ галопъ, подбоченивается съ граціозностію «почти»
Донъ-Кихота, шаговъ за десять останавливаетъ лошадь, отдаетъ
намъ рукою честь, какъ будто въ рукѣ была сабля, и спраши-
ваетъ:

— Гдѣ полковникъ?

Ему, вмѣсто отвѣта, кричатъ десять голосовъ разомъ:

— Гдѣ квартиры 1-го, 2-го, 3-го и т. д. эскадроновъ?
Всѣ нумера имѣютъ своихъ представителей.

Раздается голосъ полковника: «Третій эскадронъ вылѣзъ на
цѣлый взводъ вправо! Третій эскадронъ возьми теперъ затылки!
Возьми затылки третій эскадронъ!!... Капитанъ Тыковлевъ, по-
ставьте вашъ эскадронъ какъ слѣдуетъ!

Капитанъ Тыковлевъ давно отделился отъ нашей кучки и,
заложивъ лѣвую руку съ закуреной папиросою за спину, по-
бѣжалъ «брать затылки». Квартиргеръ слѣзаетъ съ коня, от-
даетъ его вѣстовому и подходитъ къ полковнику. Вѣстовой
тотчасъ начинаетъ поправлять подпруги, болѣе, впрочемъ, по
привычкѣ, свойственной многимъ старымъ вѣстовымъ, которые
никогда не упускаютъ случая удостовѣриться, дѣйствительно
ли все на сѣдлѣ въ порядкѣ, нежели потому, что сѣдловка
требуетъ поправки. Тѣмъ временемъ поручикъ разговариваетъ
съ полковникомъ, поминутно поднося руку къ козырьку. Офи-
церы слѣдятъ издали за разговоромъ, стараясь уловить что ли-
бо интересное. Напрасно! до нихъ долетаютъ только вопросы
полковника: «а сухари? а хлѣбъ? а квартиры? а моя квартира?»
на которые поручикъ отвѣчаетъ вполголоса.

— Енараль ѣдетъ... слышатся несмѣлые голоса изъ фронта.

На дорогѣ показалось нѣсколько пестрыхъ всадниковъ, и офи-
церы побѣжали къ своимъ эскадронамъ.

— Садись! ровнайсь! командуетъ полковникъ, садясь на
коня.

Затѣмъ начинается одинъ изъ самыхъ скучныхъ моментовъ
всей военной жизни: выравниваніе. На сей разъ, впрочемъ, онъ
довольно коротокъ, и слѣдуетъ обыкновенная, форменная встрѣча

начальника, съ полковыми маршемъ, удачно сочиненнымъ неизвѣстнымъ мнѣ маэстро, на мотивъ известной пѣсни Беранже:

T'en souviens-tu, disait un capitaine

съ салютами офицеровъ, криками: здраа.... ствооо! или рад.... стааа.... смотря по тому, что нужно было кричать... и т. д. Потомъ полкъ вытягивается, повзводно, къ городу, трубачи играютъ какую-то веселую польку, всѣ забываютъ усталость, оживаются, а гг. офицеры начинаютъ безжалостно всаживать шпоры въ бока своихъ измученныхъ коней, чтобы заставить ихъ идти лансадами и....

— Paris! гаркнулъ вдругъ кондукторъ у меня подъ самымъ ухомъ, отворяя дверцы.

Я очнулся послѣ сладкаго сна, живо перенесшаго меня въ прошедшее, въ оставленную среду, и выльзъ изъ вагона, пригласившаго меня въ Парижъ.

Кто изъ васъ, земляки, читая небылицы, рассказываемыя Александромъ Дюма или Полемъ Февалемъ съ компаніей (а кто изъ русскихъ офицеровъ ихъ не читалъ?), не помышлялъ о возможности посѣщенія города, о которомъ, въ этихъ небылицахъ, такъ часто упоминается? Не знаю, какъ вы, но я еще кадетомъ думалъ о Парижѣ. Офицеромъ же, во время убійственно-длинныхъ зимнихъ квартиръ, когда торчишь со взводомъ въ вагонѣ нибудь захолустьѣ, рѣшительно не зная, что дѣлать, и считаешь, для развлеченія, часы отъ чаю до обѣда, отъ обѣда опять до чаю и т. д., и радъ радехонекъ, когда, ложась, патриархальнымъ образомъ, въ девять часовъ вечера спать, можешь сказать себѣ съ спокойной совѣстію: «вотъ и еще день прошел!»— въ такіе дни, говорю я, Парижъ у меня просто не выходилъ изъ головы. Тогда онъ интересовалъ меня, разумѣется, и въ другихъ отношеніяхъ. И вотъ завѣтная мечта сбылась.

Я въ Парижѣ. О немъ писано такъ много во всѣ времена и на всѣхъ языкахъ, что сказать что либо новое довольно трудно. Поэтому я отсылаю любопытныхъ, желающихъ познакомиться съ Парижемъ въ статистическомъ, историческомъ и въ другихъ отношеніяхъ, къ сочиненіямъ, трактующимъ о нихъ очень подробно; самъ же сдѣлаю лишь нѣсколько общихъ замѣтокъ о впечатлѣніи, производимомъ Парижемъ и его обитателями, прежде чѣмъ перейду къ нѣкоторымъ достопримѣчательностямъ, преимущественно интересующимъ военнаго, а тѣмъ

болѣе русскаго армейца, много лѣтъ жившаго въ болѣе или менѣе глухихъ мѣстностяхъ Кавказа, южной и юго-западной Россіи. Притомъ я армеецъ, попавшій въ Парижъ не наманеръ нашихъ отцовъ, въ 1814 году (и тѣ таки пописали о немъ довольно разныхъ «мемуаровъ» и «впечатлѣній»), черезъ Монмартръ, цѣною жизни нѣсколькихъ тысячъ людей, а такъ себѣ, обыкновеннымъ мирнымъ путемъ, по кельнской желѣзной дорогѣ, цѣною извѣстнаго количества франковъ. Стало быть, и во взглядѣ нашемъ будетъ разница. Собственно о французскихъ войскахъ я говорю очень поверхностно: предметъ этотъ достаточно разработанъ въ «Военномъ Сборникѣ», и я не нашелъ что прибавить, да и случаевъ для наблюденія болѣе глубокаго не представлялось.

Итакъ, облекшись въ платье мирнаго гражданина и вооружившись инструментомъ также весьма невоенственнымъ — зонтикомъ, начинаю знакомство съ Парижемъ, «столицею міра», какъ съ немалою гордостію и не безъ основанія называютъ его Франгузы. Мимоходомъ сказать, надѣваніе, въ первый разъ, гражданскаго платья — вещь весьма непріятная. Такъ почему-то и кажется, что всѣ на тебя смотрятъ и смѣются. Между тѣмъ, нигдѣ на свѣтѣ не обращаютъ менѣе другъ на друга вниманія, чѣмъ въ большихъ европейскихъ городахъ, и особенно здѣсь вы можете жить уединеннѣе и независимѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ херсонскихъ военныхъ поселеніяхъ. Тамъ все-таки, быть можетъ, волостной командиръ или жена его, или, пожалуй, попадья, поинтересуются вами, съ какою бы тамъ ни было цѣлю; наконецъ подчиненные ваши думаютъ о васъ, и вы должны держать себя и жить такъ, а не иначе, чтобы и волостной командиръ, и попадья, и подчиненные думали о васъ не то, а вотъ что. Здѣсь о васъ никто не думаетъ; даже привратнику того дома, въ которомъ живете, вы приходите въ голову, я въ этомъ увѣренъ, только въ то время, когда онъ чиститъ ваши сапоги или когда почталіонъ приноситъ письмо на ваше имя, при чемъ онъ долженъ вспомнить, какой номеръ квартиры вы занимаете. Вы для него не болѣе, какъ номеръ квартиры, платящій ему столько-то, что, однако, не мѣшаетъ ему освѣдомляться каждое утро о вашемъ здоровьѣ и о снѣ самымъ любезнымъ образомъ, какъ будто онъ принимаетъ и въ томъ и въ другомъ живѣйшее участіе. Когда вы выходите изъ дому и

отдаете ему свой ключъ, онъ говоритъ, соболѣзнуя, что разстается съ вами:

— Вотъ вы и уходите, monsieur!

А когда приходите вечеромъ домой и берете свой ключъ, онъ встрѣчаетъ васъ словами:

— А! Вотъ вы и пришли, monsieur!

Какъ будто это его очень радуешь. Но фразы эти онъ произносить съ совершенно одинаковою интонаціею всѣмъ своимъ жильцамъ, не отдавая себѣ отчета, стоитъ ли передъ нимъ monsieur X, monsieur Y, или monsieur Z. Это просто привратническая вѣжливость.

Въ этомъ «всякъ самъ по себѣ» не мѣшало бы убѣдиться многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, сорящихъ деньгами за границею съ невinnымъ желаніемъ удивить Нѣмцевъ или Французовъ тѣмъ, что онъ Русскій и что деньги для него нипочемъ. Недаромъ же у насъ, на вопросъ: съ какою цѣлью ѣдете вы за границу? очень часто слышишь отвѣтъ: «да такъ себѣ: людей посмотреть и себя показать».

Ѣхать смотрѣть людей дѣйствительно очень полезно и стоитъ недорого (изъ сѣверныхъ и западныхъ губерній), особенно теперь, съ открытіемъ желѣзной дороги. Но на показываніе себя пусть не рассчитываютъ и не бросаютъ напрасно деньги: оно просто невозможно. Какъ роскошно ни одѣвайтесь, въ чемъ ни ѣдите, въ какихъ гостинницахъ ни останавливайтесь, сколько ни пейте шампанскаго, какихъ орденовъ ни выставляйте, всѣ усилія будутъ напрасны: на васъ никто (кромѣ развѣ гарсоновъ въ гостинницахъ и извѣстныхъ женщинъ, видящихъ въ томъ свою прибыль) не обратитъ вниманія. Если же кто и обратитъ, то вѣроятно только для того, чтобы пожать плечами и подумать: Русскій!? Потому совѣтую каждому, у кого есть охота путешествовать только съ цѣлью «смотрѣть людей», да рублей сто въ мѣсяцъ (не мѣшаетъ также умѣть распорядиться ими), смѣло пускаться въ путь. Онъ многому научится, увидитъ и прочтетъ много крайне интереснаго; по моему мнѣнію, нельзя поучительнѣе и пріятнѣе истратить своихъ денегъ.

Первые дни моего пребыванія въ Парижѣ я исключительно посвятилъ такъ называемому «планированію», т. е. бессознательному броженію по улицамъ, останавливаясь на томъ и тамъ, гдѣ увидишь или услышишь что либо занимательное. Для иностранца это попадаетъ на всякомъ шагу.

Кто-то сказалъ, что въ Петербургѣ, а отчасти и въ Бер-

линѣ, первое, что невольно бросается прїѣзжему въ глаза, это—мундирность. Замѣчаніе это, мнѣ кажется, справедливо. Въ обѣихъ столпцахъ улицы очень правильны, много казармъ и казармообразныхъ строеній, въ обѣихъ квартируетъ масса войскъ, живутъ десятки тысячъ разныхъ чиновниковъ, полицейскихъ, кадетъ и даже гимназистовъ, затянутыхъ и застегнутыхъ на всѣ крючки и пуговицы, съ однообразною прическою и, до нѣкоторой степени, даже съ однообразнымъ выраженіемъ лица. Въ Парижѣ первое, на что было направлено мое вниманіе, это—необыкновенное развитіе роскоши (*), роскоши во всемъ: въ помѣщеніяхъ магазиновъ, въ экипажахъ, въ одеждѣ Парижанъ и особенно Парижанокъ.

Видно, недаромъ рисунки «парижскихъ модъ» служатъ авторитетомъ на всемъ земномъ шарѣ. Притомъ, парижская роскошь отличается самымъ изящнымъ вкусомъ. Войскъ въ Парижѣ, правда, также немало, но менѣе чѣмъ въ Петербургѣ, жителей же втрое больше, и военные до нѣкоторой степени теряются въ массѣ, тѣмъ болѣе, что офицеры ходятъ всѣ, внѣ службы, въ гражданскомъ платьѣ, и мнѣ случалось встрѣтить только одинъ или два офицерскихъ мундира въ теченіе цѣлаго дня, проведеннаго на улицахъ. Кромѣ того, турнюра военного здѣсь необыкновенно развязная и не составляетъ рѣзкаго контраста съ прочими жителями. Весь остальной служащій и учащійся людъ не носитъ особенно отличительнаго платья, довольствуясь едва замѣтнымъ отличіемъ на фуражкѣ, какимъ нибудь кантикомъ и т. п. Вглядываясь въ уличную жизнь, все болѣе и болѣе удивляешься необыкновенному развитію здѣшней промышленности, торговли и особенно спекуляціи. Произведенія промышленности выставлены въ великолѣпнѣйшихъ магазинахъ, которыми сплошь заняты всѣ нижніе этажи домовъ въ торговыхъ улицахъ. Почти вездѣ, даже у мясниковъ, большія, цѣльныя, зеркальныя стекла выходятъ на улицу, и за ними, съ чисто-французскимъ вкусомъ, разложены товары, долженствующие привлечь покупателей. Вечеромъ все это ярко освѣщено газомъ. За конторкою, которую также видно съ улицы, сидитъ женщина, очень часто миловидная и всегда отлично одѣтая. Ну, какъ не зайти и не купить чего нибудь на франкъ или два? А какъ зашелъ, такъ и купишь франковъ на 20 или 30.

(*) Сознаюсь, что я началъ осмотръ съ центра города, куда болѣе всего стекается богатая знать и буржуазія. Въ другихъ кварталахъ роскошь менѣе замѣтна.

Но этииъ парижскіе купцы еще не довольствуются: милліоны вывѣсокъ и объявленій покрываютъ дома цѣлаго города. Вывѣска перѣдко написана такими буквами, что ее можно прочесть за нѣсколько сотъ сажень; а чтобы еще болѣе обратить на себя вниманіе, она сопровождается какою нибудь фигурою съ рогомъ изобилія или какимъ нибудь восклицаніемъ въ родѣ: «Остановитесь!! Заходите!! Здѣсь продаютъ дешевле, нежели гдѣ нибудь въ Парижѣ!!!» Кромѣ того, вамъ поминутно суютъ въ руку на улицахъ разныя объявленія о продажахъ, о ресторанахъ и т. д. Нужно сознаться, что подобный способъ приманки публики гораздо удобнѣе нашего русскаго, который, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что купецъ ставитъ къ дверямъ своей лавки «молодца» и молодецъ кричитъ во все горло всѣмъ прохожимъ: «Господинъ! а господинъ! пожалуйста: здѣсь мыло, духи, сукна, самовары....» И если вы имѣете неосторожность изъявить малѣйшую склонность купить что либо, то изъ всѣхъ сосѣднихъ лавокъ, обыкновенно торгующихъ тѣми же товарами, подымается цѣлый хоръ голосовъ, кричащихъ: «Сюда пожалуйста! сюда! здѣсь лучше! здѣсь дешевле! Онъ, онъ такой, сякой».... Но тотъ, около котораго вы остановились, не теряетъ присутствія духа: онъ безъ церемоніи хватаетъ васъ за рукавъ (для военнаго, можетъ быть, сдѣлаетъ исключеніе изъ общаго правила), буксируетъ къ себѣ въ лавку и тогда хладнокровно объявляетъ, что онъ честнѣйшій человекъ и вы только купите, а ужъ «останетесь довольны». Остальной процессъ купли въ нашихъ лавкахъ также извѣстенъ: онъ приторно гадокъ, и справедливо говорятъ иностранцы, что наше купечество, большею частію, не *торкуетъ* а категорически обвѣшиваетъ, обмѣриваетъ или навязываетъ дурной товаръ за хорошій.

Уличная жизнь чрезвычайно развита въ Парижѣ: многіе Парижане, даже женатые, пока не имѣютъ дѣтей, пользуются своею квартирою только для ночлега; утромъ пьютъ кофе въ какомъ нибудь сафѣ, гдѣ читаютъ и газеты; завтракаютъ и обѣдаютъ въ ресторанѣ; цѣлый день заняты своимъ дѣломъ внѣ дома, а вечеръ проводятъ или опять въ сафѣ, или въ одномъ изъ тридцати театровъ, которые почти всѣ имѣютъ отличныхъ актеровъ. Театры каждый вечеръ наполнены; но вкусъ публики, признаюсь, сильно испорченъ. Нелѣпнѣйшая пьеса, блистающая «отсутствіемъ всякаго присутствія», основанная на

декораціяхъ и живыхъ картинахъ съ полуголыми женщинами въ соблазнительныхъ позахъ, имѣеть громадный успѣхъ (напримѣръ, теперь «Rothomago» въ прежнемъ императорскомъ циркѣ) и дается 200 разъ сряду въ биткомъ набитомъ театрѣ. Произведенія же французскихъ классиковъ отлично разыгрываются въ театрѣ Comedie française или Odeon, но часто передъ полупустыми скамьями. Да и эта малочисленная публика, особенно въ Odeon, состоитъ почти исключительно изъ обитателей Латинскаго квартала (quartier latin), въ которомъ сосредоточены учебныя заведенія Парижа, т. е. изъ профессоровъ, студентовъ и гризетокъ.

Какъ народъ, отличительная черта котораго есть веселость, нужно видѣть Французовъ въ мѣстахъ, куда сходятся посмѣяться и потанцовать: на публичныхъ балахъ, особенно замаскированныхъ. Такъ какъ я пишу для людей, большею частію, обречшихъ себя на холостую жизнь или если и женатыхъ, то все-таки не слишкомъ презирающихъ холостые нравы, то полагаю, что легкій очеркъ одного изъ подобныхъ баловъ не покажется неумѣстнымъ.

Представьте себѣ огромную залу въ театрѣ Оперы, составленную изъ партера и сцены вмѣстѣ, биткомъ набитую самую пестрою толпою и освѣщенную тысячами газовыхъ рожковъ. Весь этотъ людъ, во всевозможныхъ костюмахъ, съ преобладаніемъ краснаго и голубаго цвѣтовъ, смѣется, прыгаетъ, визжитъ, свистеть, ничѣмъ не стѣсняясь. Здѣсь все позволено.

Отличный оркестръ изъ ста человѣкъ, дирижируемый Штраусомъ, даетъ сигналъ для кадрили. Французская музыка легка, увлекательна, неволью располагаетъ къ веселости, — словомъ, соответствуетъ цѣли. Въ мигъ очищается нѣсколько десятковъ небольшихъ квадратныхъ пространствъ, на которыхъ устанавливается на каждомъ по четыре пары. (Большихъ, общихъ кадрили, какъ у насъ, въ которыхъ принимаетъ участіе до 20 паръ вмѣстѣ, здѣсь не знаютъ.) Просто рябитъ въ глазахъ отъ пестроты развивающейся картины и не знаешь куда смотрѣть. Тутъ, напримѣръ, пастушокъ, подъ руку съ лореткой, одѣтой нянькою, но въ очень короткомъ платьѣ, которое едва доходитъ до колѣнъ; ноги обтянуты весьма прозрачною матеріею тѣлеснаго цвѣта. Противъ нихъ, польскій уланъ, съ аршинными, разумѣется, наклеенными, усами, и безусый юноша, одѣтый такъ, какъ одѣвались женщины въ началѣ

этого вѣка, т. е. со взбитыми вверхъ волосами, придерживаемыми огромнымъ гребнемъ, съ тальей подъ грудью и безъ всякихъ слѣдовъ кринолина. (Кринолинъ совершенно изгнанъ съ публичныхъ баловъ, потому что мѣшаетъ канканировать вообще и взбрасывать ногу какъ можно выше, въ особенности.) Третью пару составляетъ напудренный маркизь времянь Людовика XIV, съ толстой дамой въ костюмѣ маленькихъ дѣтей, т. е. въ платьѣ вовсе безъ талии, въ бѣломъ чепцѣ и съ игрушкой въ рукахъ. Впрочемъ, она стара и дурна собою; потому что носить черную маску; всѣ же обладательницы сносныхъ фizioномій и не думаютъ прятать ихъ, а, напротивъ, сильно бѣлятся и поддурманиваются, въ надеждѣ болѣе обратить на себя вниманія. Нечего и говорить, что всѣ женщины, которыхъ вы здѣсь видите, при всемъ добромъ желаніи съ вашей стороны, не могутъ быть заподозрѣны въ честности. Все это «несчастныя жертвы общественной невоздержности», какъ перевелъ выраженіе Прудона одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ. Честная женщина ни за что не отважится войти въ залу, гдѣ танцуютъ. Обращеніе вообще слишкомъ неперемонно.

Но кадрили началась. Съ первыхъ же *па*, вы чувствуете, что вамъ какъ будто дѣлается немного даже совѣстно за танцующихъ. Я служилъ въ драгунахъ, народѣ тертомъ, но сознаюсь, что испыталъ это чувство. Впрочемъ, ко всему люди привыкаютъ, а къ такой вещи, какъ парижскій канканъ, даже очень скоро. Постараюсь теперь объяснить, что такое здѣшній канканъ. Всякій вѣрно знаетъ картонныхъ плясунювъ, дѣтскую игрушку, которую дергаютъ сзади за веревочку, отчего она начинаетъ выдѣлывать, ногами и руками, разныя движенія, забавляющія ребенка. Вообразите же собѣ, что двѣсти человекъ, съ необыкновеннымъ усердіемъ, выдѣлываетъ тѣ же движенія, но дрыгаютъ и болтаютъ своими членами не только въ стороны, какъ картонная игрушка, но и впередъ и назадъ. Вотъ и вся премудрость. Человекъ, не увлекающійся канканомъ, подумаетъ, что это толпы сумасшедшихъ. Но въ двадцать-пять лѣтъ, не будучи одностороннимъ философомъ, трудно не увлечься. Между тѣмъ, дама, съ большей или меньшей граціей и шикомъ, приподнявъ немного платьѣ, пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы поднять его *какъ можно* больше и, въ то же время, взмахнуть ногой какъ можно выше. Лучше всего такъ, чтобы носокъ ботинки пришелся какъ разъ подъ носъ кавалеру, выкидывающему,

въ это время, передъ нею какое нибудь антрша, —разумѣтся, не задѣвъ носа. На разные аллегорическіе и наглядные приемы кавалера дама отвѣчаетъ то какъ бы нѣжнымъ согласіемъ и *сочувствіемъ*, то съ видомъ оскорбленной невинности (первое преимущественно). Она даетъ ему это понять и глазами, и языкомъ (не голосомъ), и ногами, и руками, и всевозможными, болѣе или менѣе соблазнительными, тѣлодвиженіями, нерѣдко заставляющими обращаться кровь скорѣе обыкновеннаго.... Изъ этого я заключаю, что если канканъ интересенъ въ акробатическомъ, пожалуй, даже въ эстетическомъ отношеніи, за то въ гигиеническомъ положительно вреденъ.

Не забудьте, что и кавалеръ и дама выдѣлываютъ всѣ свои фокусы на пространствѣ какихъ нибудь двухъ или трехъ квадратныхъ сажень; слѣдовательно, нужно немало ловкости. До какой степени Французы интересуются канканомъ, можно заключить изъ громадной извѣстности, которою пользуются артисты по этой части, напримѣръ: m-lle Rigolboche, Tinette, m-g Chicard, уже лѣтъ тридцать специально подвизающійся на этомъ поприщѣ. Мамзель Ригольбошъ я имѣлъ удовольствіе видѣть. Она выдѣлываетъ, между прочимъ, такое па: подымаетъ правую ногу выше головы и держитъ ее правой рукой за носокъ, лѣвой же рукой приподымаетъ платье и на одной лѣвой ногѣ, въ припрыжку, дѣлаетъ въ теченіе одной или двухъ минутъ всѣ па. Это помуреніе блаженной памяти учебнаго шага въ три приема! Разумѣтся, публика рукоплещетъ и кричитъ: браво! Но такія вещи дѣлаются только въ то время, когда полицейскій сержантъ куда нибудь отлучится.

Говорятъ, что маскарады и балы посѣщаются женщинами этого разбора изъ чисто-денежныхъ видовъ, т. е., чтобы поживиться на счетъ какого нибудь неопытнаго иностранца. Очень вѣроятно: нельзя же имъ танцовать всю ночь и потомъ питаться воздухомъ; нужно жить, нужно носить шелковыя платья и ѣздить на извозникахъ. Но когда вы видите французенку танцующую, то невольно приходите къ убѣжденію, что и пляска, сама по себѣ, доставляетъ ей удовольствіе: столько веселости, даже увлеченія выказывается при этомъ.

Оркестръ кончилъ послѣднюю фигуру кадрили. Тотчасъ же подымается во всей залѣ свистъ и крикъ, требующій повторенія. Оркестръ повторяетъ, и канканъ начинается опять, еще съ большимъ азартомъ, если можно. Черезъ пять минутъ промежутка

слѣдуетъ короткій вальсъ или полька, которые танцуютъ какъ обыкновенно, почти прилично, только дама кладетъ подолъ своего платья, вмѣстѣ съ юбками и рукою, на лѣвое плечо кавалера. Послѣ вальса начинается опять кадрили и такъ, непрерывно, въ теченіе пяти или шести часовъ, при невыносимой духотѣ. Наконецъ, уже на разсвѣтѣ, всѣ расходятся куда кому надобно, или куда кому хочется....

Нѣтъ государства, гдѣ армія, даже въ мирное время, пользовалась бы такимъ сочувствіемъ, возбуждала бы большій интересъ во всемъ народонаселеніи, какъ во Франціи. Всѣ производства, каждое измѣненіе формы или вооруженія, каждое передвиженіе войскъ объявляются тотчасъ въ газетахъ, часто подробно обсуживаются ими и нѣкоторое время служатъ общимъ разговоромъ, особенно въ кофейняхъ. О военныхъ дѣйствіяхъ уже и говорить нечего, и, по интересу, съ которымъ принимается теперь всякое извѣстіе объ экспедиціонномъ корпусѣ въ Мексикѣ, я могу судить, что было во время крымской кампаніи.

Кромѣ того, самая военная жизнь здѣсь всѣхъ занимаетъ. Она разработана до тонкости, какъ военными писателями, въ повѣстяхъ и разсказахъ, такъ и въ драматическихъ представленіяхъ, изъ которыхъ то или другое ежедневно дается на парижскихъ сценахъ. Въ *café chantant* вы можете каждый вечеръ слышать военную пѣсню или солдатскій фарсъ, и эти пьесы, гдѣ военная жизнь, разумѣется, нѣсколько опоэтизирована, возбуждаютъ наибольшее сочувствіе слушателей, которые обыкновенно требуютъ повторенія (*). Воспѣваются женщины, слава и вино,

(*) Въ одномъ изъ *café chantant*, довольно грязенькомъ, я слышалъ старую, ѣдкую сатиру Беранже, написанную имъ простонароднымъ языкомъ во время ста дней. Она озаглавлена: «Миліонъ этихъ дѣвицъ». Эти дѣвицы, видите ли, радовались возвращенію въ Парижъ союзныхъ войскъ. Вотъ одинъ изъ куплетовъ:

De nos Français je connais les astuces;
 Ils ne sont pas aussi bons chrétiens
 Que les Prussiens.
 Comme l'argent pleuvait quand les Russes
 F'avaient hausser dex prix
 Toutes les filles de Paris!
 J'n'avions pas le temps de chercher nos puces.
 Vivent nos amis,
 Nos amis les ennemis!

скучные караулы, зимняя аванпостная служба и т. д. забыты. Но въ томъ-то и искусство жить весело и счастливо. («Мы обыкновенно думаемъ—говорить одинъ изъ нашихъ писателей—о завтрашнемъ днѣ, о будущемъ годѣ, въ то время, какъ надобно обѣими руками ущѣпиться за чашу, налитую черезъ край, которую протягиваетъ сама жизнь, не прошенная, съ обычной щедростью своей, и пить, и пить, пока чаша не перешла въ другія руки. Природа долго подбивать и предлагать не любитъ.» Такой упрекъ менѣе можно сдѣлать французскимъ военнымъ: они пользуются настоящимъ, но ищутъ и въ будущемъ славы и удовольствія, потому что въ людяхъ надежда на будущее есть законъ природы.) Каждый уличный мальчишка насвистываетъ солдатскую пѣсню и молодой человекъ ожидаетъ конскрипцію не съ ужасомъ, а часто съ удовольствіемъ. Няньки, горничныя и вообще всѣ женщины, считающія долгомъ имѣть любовника, стараются поймать въ свои сѣти un fier soldat, что, разумѣется, нетрудно. Издается цѣлая коллекція брошюркъ, съ рисунками, подъ заглавіемъ: «Nos troupiers», въ которыхъ разобрана характеристика даже каждаго оружія отдѣльно. Разверните любой номеръ «Journal amusant» или «Journal pour rire», и непременно найдете что нибудь о войскахъ. Кромѣ того, всѣ военныя упражненія, особенно же *фестование*, имѣютъ своихъ почитателей между не-военными, т. е. людей, серьезно занимающихся ими. Въ другой статьѣ поговоримъ объ этомъ подробнѣе.

Причину столь общаго интереса, общаго уваженія, которымъ пользуется армія, нужно главнѣйше искать, мнѣ кажется, въ воипственномъ характерѣ всей націи; затѣмъ въ развитіи гражданскихъ понятій, въ распространенія просвѣщенія, заставляющихъ большинство считать интересы правительства своими собственными, близко принимать къ сердцу всѣ его распоряженія, обсуживать ихъ; наконецъ, въ благородномъ духѣ военного сословія, дѣлающемъ его особенно симпатическимъ для великодушной и благородной націи. Въ этихъ качествахъ не откажетъ ей всякій знакомый даже только съ исторіей Франціи, т. е. съ исторіей французскаго народа, а не двора, что смѣшивается иногда историками и принимается ими за одно и то же.

И странно: пользуясь такимъ почетомъ и такимъ сочувствіемъ, французское военное сословіе представляетъ совершенно замкнутую касту, преданную единственно своимъ собственнымъ, со-

словнымъ интересамъ, которые отдѣляютъ его отъ окружающаго міра и часто враждебны ему. Не эти ли два факта: уединеніе арміи въ самое себя и общественное расположеніе, способствовали французскому войску къ пріобрѣтенію его превосходныхъ качествъ, его заслуженной славы?

Первое войско, которое я увидѣлъ здѣсь въ сборѣ, былъ пѣшій полкъ жандармовъ (не полицейскихъ) императорской гвардіи, возвращавшійся съ какого-то смотра въ казармы. Если хотятъ выставить отлично храбрыхъ солдатъ или отличную пѣхоту вообще, то приводятъ въ примѣръ французскихъ гренадеръ, и, на сколько могу судить по наружному виду, не безъ основанія. Эти жандармы вмѣстѣ съ тремя гренадерскими полками составляютъ дивизію. Люди всѣ большаго роста, народъ отборный изъ отборныхъ, большею частію уже пожилой, оставшійся на другой и третій срокъ, слѣдовательно послужившій, съ медалями. Изъ офицеровъ я видѣлъ только человѣкъ пять, которымъ было лѣтъ около тридцати; остальные большею частію уже съ почтенною просѣдою, а ротные командиры, кажется, кромѣ одного, сѣдые. Служба въ этомъ полку считается самою почетною. На такой народъ, искренно преданный службѣ, для котораго она все, можно положить. Аршинная медвѣжья шапка очень красива и сообщаетъ фронту воинственно-грозный видъ. Это очень величественный головной уборъ, напоминающій носящимъ его славныя времена и подвиги, совершенные подъ нимъ служивыми, уже сошедшими въ могилу; но слѣдовало бы воздать дань нашему практическому вѣку и предпочесть удобства воспоминаніямъ. Медвѣжья шапка напоминаетъ, быть можетъ, отвѣтъ гренадеръ на предложеніе сдаться, подъ Ватерлоо: «гвардія умираетъ, но не сдается»; но она тяжела, даже часто неуклюжа на человѣкѣ средняго роста.

Изъ-подъ такихъ шапокъ, украшенныхъ съ боку краснымъ султаномъ изъ перьевъ, выглядываютъ лица съ важнымъ, спокойнымъ выраженіемъ, не столько воинственнымъ, сколько самоувѣреннымъ, съ чувствомъ своего достоинства. Бородки и усы у многихъ очень почтенной длины и лихо закручены по направленію трехъ различныхъ странъ свѣта. Вся гвардія имѣетъ нѣсколько формъ. Мундиръ жандармскаго полка состоитъ изъ фрака, широкія полы котораго доходятъ до колѣна. Но тогда люди были одѣты въ длиннополые двубортные скюртки тем-

носияго сукна, въ родѣ нашего уланскаго. Шаровары голубые, съ чернымъ лампасомъ; у настоящихъ же гренадеръ красные, какъ и у всей арміи. У всѣхъ людей бѣлыя перчатки, эполеты и аксельбанты. Амуничные ремни желтые, съ бѣлой каймой, что очень красиво и издали похоже на золото. Подсумокъ и полусаблия въ родѣ нашихъ прежнихъ и носятя также, то есть на двухъ портупейхъ, лежащихъ накрестъ, на груди. Ружья простыя. Люди шли умѣреннымъ шагомъ, какъ подобаетъ первому полку французской арміи. Французскія войска, какъ извѣстно, никогда не маршируютъ, въ нашемъ смыслѣ, а передвигаются съ мѣста на мѣсто по способу, указанному природой, то есть просто ходятъ. Припоминаю себѣ слѣдующее выраженіе одного русскаго солдата, вернушагося въ 1816 году изъ Парижа. Оно приведено гдѣ-то въ нашихъ журналахъ.

— Слава Богу, прошли отъ Москвы до Парижа и назадъ отъ Парижа въ Москву, значить умѣемъ ходить. А тутъ вдругъ каждый день стали насъ учить *ходить*. То, говорятъ, что за хожденіе, по мужицки: нѣтъ, ты выучись *какъ слѣдуетъ*.

Наше маршированіе, хотя названіе этого акта происходитъ отъ французскаго слова *marcher* (ходить), есть, если не ошибаюсь, изобрѣтеніе прехитраго прусскаго капрализма. Французы ходятъ очень развязно, что вовсе не препятствуетъ ихъ строю быть стройнымъ. Кромѣ того, это не даетъ ему вида безжизненной машины (столько восторгавшаго въ старину), а, напротивъ, какъ будто выискиваетъ, что люди отдають себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлають.

Порядокъ, въ которомъ шли жандармы (если хотите, гренадеры), былъ слѣдующій:

Отрядъ человекъ въ 30, очищавшій дорогу, нѣчто въ родѣ авангарда. За нимъ, шагахъ во ста: полковые саперы, кажется 12 человекъ. Каждый полкъ имѣетъ своихъ саперъ, идущихъ впереди и расчищающихъ дорогу, если встрѣтится надобность. Они рѣзко отличаются отъ всѣхъ остальныхъ солдатъ длинною бороδοю во все лицо, обыкновенно расчесанною вѣеромъ. Костюмъ также другой. Спереди носятъ они длинный, бѣлый кожаный фартукъ, въ родѣ употребляемыхъ у насъ кузнецами. Въ рукѣ красивый топоръ съ длинной ручкой, упираемый, во время марша, на плечо. Огнестрѣльнаго оружія не имѣють.

Далѣе: тамбуръ-мажоръ, съ барабанщиками, которые бьютъ тотчасъ же, какъ только музыканты кончаютъ играть. Барабаны

схожи съ нашими; въ Пруссіи же они имѣютъ не болѣе четверти аршина вышины и потому гораздо легче. Звукъ, издаваемый этими низкими барабанами, тотъ же самый. Флейщиковъ, обыкновенно немигосердно дерущихъ уши своимъ пицаньемъ, не было при барабанщикахъ.

Затѣмъ, хоръ музыкантовъ, не менѣе пятидесяти человекъ, очень хорошо играющій. Къ инструментамъ приспособлена пружина, въ которую вставляются ноты, нарочно написанныя на маленькихъ листкахъ твердой бумаги, и по нимъ, на ходу, играютъ. Эти ноты носятъ въ особой форменной сумкѣ, въ родѣ патронташа. Такимъ образомъ, музыканты имѣютъ возможность правильнѣе играть и разнообразить пьесы. Оттого французская военная музыка не наскучиваетъ частымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же пьесъ и дѣйствительно вдохновляетъ войско.

За музыкантами слѣдуетъ полковая маркитантка (*vivandière, cantinière*). Это французская особенность, далеко не лишняя практическаго смысла. Въмѣсто того, чтобы пить водку у грязнаго маркитанта, какого нибудь жида или Армянина, солдату гораздо пріятнѣе получить чарку изъ рукъ своей маркитантки, иногда довольно красивой женщины и чисто одѣтой. Нужно простоять долго на бивуакахъ и въ лагеряхъ, чтобы понять, какую моральную силу можетъ имѣть всякая женщина, собственно только потому, что она женщина. И, какъ мнѣ говорили, маркитантки дѣйствительно пользуются большимъ авторитетомъ въ полкахъ.

«Elle fait du sentiment»

говорится, правда, въ одной пѣснѣ; но въ то же время

«Elle fait rêver la gloire»;

а эти двѣ вещи уживаются между собою очень хорошо. Маркитантки имѣютъ свою установленную форму, по полкамъ. Та, которую я теперь видѣлъ, носила круглую лакированную шляпу, въ родѣ матросской, обитую какой-то лентой; курточку съ отворотами, изъ-за которыхъ выглядывала бѣлая, тонкая рубашка, и короткую юбку. Все это по цвѣту полковаго мундира. На ногахъ такіе же точно шаровары, какъ и у солдатъ. Съ правой стороны у ней висѣтъ небольшой разукрашенный бо-

ченокъ, наполненный, вѣроятно, водкой (для виннаго онъ малъ), а въ лѣвой рукѣ двѣ рюмки.

За маркитанткой ѣдетъ баталіонный командиръ, и т. д., какъ и у насъ. Выйдя на площадь Каруселя, баталіоны построились въ ротныя колонны. Команда была произнесена безъ особенно рѣзкой интонаціи, безъ крика и повторена еще тише. Ротные командиры указывали знакомъ сабли, что нужно дѣлать, и люди дѣлали спокойно, безъ суеты и также прошли мимо дворца императора. Видъ фронта былъ необыкновенно хорошъ.

Недѣлю спустя, я видѣлъ гвардейскихъ зуавовъ, вступавшихъ въ Парижъ для занятія карауловъ. Разница между гренадерами и зуавами такая же, какъ между кавалергардскимъ полкомъ и полкомъ гребенскихъ казаковъ. Зуавы и линейцы живой, неутомимый народъ, съ которымъ можно сдѣлавъ переходъ въ 50 верстъ, прямо завязать лихую перестрѣлку и молодецки атаковать или быстро отступить, смотря по обстоятельствамъ. Зуавы усвоили себѣ какую-то особенную манеру въ походѣ, какой-то особенный шагъ, рѣзко отличающій ихъ, кромѣ костюма, отъ другихъ оружій. Такая же особенность есть и у нашихъ военныхъ писарей, но у нихъ она слѣдствіе глупаго чванства и потому отвратительна, чего нельзя сказать о зуавской. Наши военные писаря надменны или подобострастны, смотря по надобности; зуавы всегда вѣжливы, обходительны со всякимъ. Во фронтѣ, разумѣется, это менѣе выказывается; но и тутъ они шли какимъ-то среднимъ шагомъ между обыкновеннымъ и гимнастическимъ.

Случалось ли вамъ наблюдать лица баталіона или полка, проходящаго передъ начальникомъ, пользующимся у солдатъ кредитомъ, или черезъ городъ, на другой день послѣ того, какъ баталіонъ или полкъ совершилъ какой нибудь славный подвигъ, взявъ, напримѣръ, трудную позицію? Глаза горятъ еще у всѣхъ, но черты лица приняли спокойное, гордое и радостное вмѣстѣ выраженіе. «Вотъ мы тѣ-то! смотрите, какіе молодцы!» хочется, повидимому, каждому сказать. На Кавказѣ, во многихъ полкахъ, привыкшихъ къ частымъ побѣдамъ, почти такое же выраженіе дѣлается обыкновеннымъ, лишь только они становятся въ строй, и почти его же я встрѣтилъ у зуавовъ. Французы называютъ это *un air martial*; но въ русскомъ языкѣ я не нахожу слова, которое бы вполне соответствовало ему.

Особенность зуавской походки, внѣ фронта, такая: заложивъ обѣ руки въ карманы своихъ широкихъ шароваръ и прижавъ локти къ тѣлу, зуавъ идетъ легко и скоро, слегка пошевеливая плечами. Я былъ разъ, въ воскресенье, въ Вэнсеннѣ, гдѣ квартировали гвардейскіе зуавы до прихода въ Парижъ, и, встрѣчая ихъ тамъ поминутно въ паркѣ, гуляющими толпами, *кажется*, вѣрно подмѣтилъ эту особенность, этотъ зуавскій шикъ. Зуавы, какъ и вся, впрочемъ, французская армія, имѣютъ также свою особенную манеру выражаться, которая не только иностранцу, но и иному Французу непонятна. Обращика собственно зуавскаго краснорѣчія у меня, къ несчастію, нѣтъ теперь подъ рукою; но вотъ вамъ примѣръ кирасирскаго, который я заимствую изъ «*Journal amusant*», за немѣніемъ другаго, болѣе характеристическаго.

Вахмистръ подаетъ эскадронному командиру какой-то рапортъ, стоя самъ на вытяжку.

— Почему вы позволяете себѣ, вахмистръ, писать слово *sentinelle* въ мужескомъ родѣ? спросилъ эскадронный командиръ.

— *Pardon, mon commandant, c'est que je croyais qu'il fusse de règle que le substantif il s'en rapportasse toujours au genre et au nombre avec le sexe de l'article qu'il en était le régime — grammaticalement parlant, отвѣчалъ вахмистръ.*

Эту бессмыслицу постараюсь перевести такъ:

«Виноватъ: я полагалъ, что существительное всегда согласуется, въ родѣ и числѣ, съ поломъ члена, который имъ управляетъ, выражаясь грамматически....»

Возвращаясь однажды съ эскадрономъ, въ которомъ я служилъ, съ учебнаго плаца, гдѣ была стрѣльба въ цѣль, я подслушалъ слѣдующій разговоръ старшаго эскадроннаго вахмистра съ однимъ изъ «взводныхъ», который, будучи изъ кантонистовъ и зная нѣкоторыя чужія слова, имѣлъ между унтеръ-офицерами репутацію образованнаго человѣка.

— Какъ вы сегодня стрѣляли, Тимофей Петровичъ? осведомился онъ.

— Да плохо! Сегодня что-то *хвантази* (*) не было: все промахи давалъ.

— Это не хвантази, а *хвартуны* (**), значитъ, Тимофей Петровичъ, у васъ сегодня не случилось.

(*) Фантази.

(**) Фортуны.

Въ другой разъ, на эскадронномъ праздникѣ, лихой запѣвало, уже немного подгулявшій, развеселый, старался убѣдить меня, что пѣсенники вовсе не потому дурно стали пѣть, что кончаютъ уже другое ведро (водки въ 38°), а что въ этомъ единственно виноватъ подголосокъ Кривоносовъ.

— Я ему выдѣлываю *пампатамикой катанцію* (*), а онъ нѣтъ, все лѣзетъ *хварту* (**) взять. А откуда ему взять хварту? Вотъ и въ «Хинкѣ»: думалъ *вытянуть горой, да вышло низомъ*. Никакого въ немъ чувства нѣтъ, ваше благородіе.

Ужъ если дѣло пошло на кудрявыя выраженія, то наши мнѣ болѣе нравятся, вѣроятно потому, что они и ближе и понятнѣе.

Выходя, съ недѣлю тому назадъ, послѣ лекціи изъ *College de France* (***), я рѣшился взглянуть на знаменитый храмъ Пантеонъ, обращенный во время революціи въ «жилище бранныхъ останковъ великихъ людей Франціи», но теперь опять служащій католическою церковью. Для этого мнѣ нужно было миновать нѣсколько узкихъ улицъ, столь узкихъ, что двѣ кареты, встрѣтаясь въ нихъ, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ возможность разѣхаться, и что въ нижнихъ этажахъ четырехъ и пятиэтажныхъ домовъ царствуетъ вѣчный полумракъ. Въ такой-то улицѣ, загороженной еще отчасти кучами мусора и стропилами какихъ-то построекъ, я встрѣтилъ красивый тильбюри, запряженный парюю кровныхъ караковыхъ лошадей. На первой скамьѣ его сидѣли два господина, изъ которыхъ одинъ правилъ лошадьми; на задней два лакея въ ливреяхъ, важно сложившихъ руки на груди, какъ дѣлалъ Наполеонъ I.

Господинъ, правившій лошадьми, былъ Наполеонъ III.

Императоръ былъ одѣтъ въ обыкновенное гражданское пальто темносиняго цвѣта, изъ-подъ бархатнаго воротника котораго выглядывало щеголеватое жабо. На головѣ обыкновенная круглая шляпа. Онъ долженъ былъ ѣхать шагомъ, поэтому я повернулъ назадъ и шелъ рядомъ съ тильбюри, по крайней мѣрѣ, три минуты и имѣлъ возможность разглядѣть императора Фран-

(*) Пантомимой каденсъ.

(**) Форте.

(***) Входя на лекціи во всѣ учебныя заведенія, кромѣ специальныхъ, здѣсь совершенно свободенъ и бесплатенъ. Для простаго народа, кромѣ того, популярно читается ежедневно нѣсколько лекцій (въ *Conservatoire des Arts et Metiers*) первыми учеными Франціи, напримѣръ химикомъ Бусэнго.

пузовъ. Ему лѣтъ подъ пятьдесятъ. Такъ какъ онъ часто снималъ шляпу, отвѣчая на привѣтствія, то я замѣтилъ, что волосы на головѣ его уже довольно рѣдки. Кончики усовъ были сильно напомажены и торчали такъ, какъ ихъ изображаютъ на портретахъ. Но борода показалась мнѣ больше, чѣмъ эспаньолка, въ родѣ настоящей бороды, во весь почти подбородокъ. Всмотриваясь въ черты лица и особенно въ выраженіе глазъ Наполеона III, я долженъ былъ согласиться съ Французами, говорящими о своемъ императорѣ:

— Ah! il est très fin, très fin!...

Выѣхавъ на болѣе широкую улицу, экипажъ былъ тотчасъ же окруженъ толпою работниковъ, женщинъ и дѣтей, которые кланялись Людовику-Наполеону, какъ обыкновенно кланяются у насъ хорошему знакомому, то есть приподымая немного шапку, на что онъ, ласково улыбаясь, отвѣчалъ, какъ я уже замѣтилъ, снимая шляпу. Крики: «vive l'empereur!» сопровождали его вездѣ.

За нѣсколько дней до 10 декабря 1848 года, когда должны были происходить выборы президента республики, Людовикъ-Наполеонъ Бонапарте издалъ прокламацію къ своимъ согражданамъ, въ которой сказалъ, между прочимъ: «наканунѣ выбора первой правительственной особы республики, мое имя представляется вамъ символомъ порядка и благоденствія».

Этихъ надеждъ Французовъ, избравшихъ его большинствомъ 5,500,000 голосовъ изъ 8,000,000 въ президенты, онъ дѣйствительно не обманулъ: порядокъ теперь вездѣ, благоденствіе народа съ каждымъ днемъ увеличивается. Людовикъ-Наполеонъ сдѣлалъ даже гораздо болѣе, нежели сначала могли ожидать.

Но что такое теперь французская свобода? Миоу, чистѣйшій миоу.

Усѣвшись на имперіалъ омнибуса, я за 15 сантимовъ, то есть за 4 копѣйки, проѣхалъ изъ одного конца города въ другой добрыхъ 6 или 7 верстъ. Въ омнибусѣ помѣщается всего 24 пассажира, да кучеръ съ кондукторомъ — значить 26. И эту массу влечетъ пара лошадей крупною рысью, правда, по отличной мостовой, но все же гораздо быстрѣе, нежели возятъ обыкновенно извозчики. Лошади, впрягаемыя въ омнибусы, принадлежатъ къ самой лучшей, чистой и наиболѣе выясняющейся породѣ французскихъ лошадей — къ першеронской (race perche-

гоппе). Онъ большаго роста (отъ 2 до 4 вершковъ), съ весьма красивою головою, часто вооруженною длинною челкою и наминающею нѣсколько, по вздутымъ ноздрямъ, арабскую. Ноги толсты и мохнаты, но пропорціональны. Темпераментъ такихъ лошадей огненный, и просто удивляешься, какъ двѣ лошади, двигающія такую тяжесть, еще могутъ горячиться, рваться впередъ, идти, какъ говорится, на возжахъ. Полагаютъ, и, кажется, довольно основательно, что порода эта образовалась преимущественно въ Нормандіи, юго-восточная часть которой граничитъ съ мѣстностію Першъ, откуда и названіе, отъ помѣси туземныхъ лошадей съ арабскими, которыя были занесены туда много вѣковъ тому назадъ африканскими корсарамъ; но теперь она распространилась по всей Франціи. Отличительная черта першероновъ есть нѣсколько болѣе обыкновеннаго выпуклая спина и покатый крупъ съ глубокою дорожкой, если лошадь въ хорошемъ тѣлѣ, которое они держатъ необыкновенно долго. Эта покатость и правильность устройства заднихъ ногъ главнѣйше объясняютъ необыкновенную ихъ силу. У насъ же покатость крупа часто считается порокомъ, скажутъ: вислозадая! и дѣлу конецъ. Между тѣмъ, основные законы механики доказываютъ, что въ упряжной лошади извѣстную покатость крупа должно считать достоинствомъ: она даетъ коню возможность, съ меньшимъ напряженіемъ мускуловъ, двигать ту же тяжесть. Какъ, примѣръ, легче двигать или нести что нибудь, согнувши руку въ прямой уголъ (принимая локоть за вершину его), или въ уголъ во 105° , даже въ 107° ? Ясно, что подъ тупымъ угломъ. Большая часть першероновъ сѣрой масти, затѣмъ попадается много чалыхъ; другія масти рѣдки. Першероновъ употребляютъ для работъ обыкновенно жеребцами, что и поддерживаетъ ихъ горячій темпераментъ. Для перевозки большихъ тяжестей, для бичевой, употребляютъ очень чистую породу «булонскую»; она отличается сложеніемъ, напоминающимъ слона, но также красива. Я не думаю, чтобы лошади эти были способны бѣжать рысью, однако 150 пудовъ везуть въ двухколескѣ свободно. Но омнибусъ привозитъ меня къ Дому Инвалидовъ (Hôtel des Invalides). Это огромное, величественное зданіе, построенное въ 1671 году, во время царствованія Людовика XIV, и назначенное, какъ извѣстно, для призрѣнія старыхъ или изувѣченныхъ солдатъ. Въ настоящее время, здѣсь однихъ ветерановъ войны первой имперіи болѣе 1,100 человекъ. Передъ

главнымъ фасадомъ зданія разведенъ довольно большой садъ, окруженный, для украшенія, чѣмъ-то въ родѣ крѣпостнаго рва. Около входа, который открытъ рѣшительно для всѣхъ, поставлена батарея изъ 18 орудій. «Эта батарея—говорится въ брошюрѣ, которую вамъ суютъ въ руку при входѣ, за нѣсколько су—составлена изъ орудій различнаго калибра и служитъ для напоминанія жителямъ Парижа великихъ событій.» Дѣйствительно, весьма интересная коллекція крѣпостныхъ орудій разныхъ временъ и народовъ, выбранная изъ лучшихъ экземпляровъ, которые были взяты Французами. Почти всѣ они новы, какъ будто не были въ употребленіи; многія отдѣланы очень изящно. Тутъ я нашелъ прусскія, австрійскія, голландскія, даже алжирскія пушки, но своихъ родныхъ не находилъ.

«Что же насъ-то забываютъ — подумалъ я невольно — кажется, вѣдь мы изрядно повоевали другъ съ другомъ, и не безъ грѣха же было. Можетъ быть, эта? Ищу надпись: нѣтъ, австрійская, и на ней, по средневѣковому обычаю, вырѣзаны два стиха:

Wo mein Gesang in Luft erschallt
Manch Mauer vor mir nieder falt (*).

Хвастовство, получившее должное наказаніе, потому что голубушка недолго пѣла и служить теперь нѣмымъ подтвержденіемъ русской пословицы: «не хвались идучи на рать!....» Но вотъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, на флангѣ батареи, поставлено орудіе какъ будто знакомаго фасона. По всему видно, что оно дѣйствительно «попѣло» на своемъ вѣку: въ жерлѣ выхваченъ большой кусокъ металла; съ лѣвой стороны ясно видѣнъ, въ двухъ мѣстахъ, слѣдъ ядра, зацѣпившаго его; съ правой —

(*) «Гдѣ пѣсня моя раздастся въ воздухѣ, стѣны падутъ предо мной.» Известно, что обычай дѣлать надписи на оружіи былъ прежде очень распространенъ. Поведаются надписи съ замѣчательнымъ смысломъ и въ очень изящной формѣ. Вотъ одна изъ нихъ, которую я прочелъ на рыцарскомъ щитѣ, сохраняемомъ во дворцѣ Фридриха Великаго (Neue Palais), въ паркѣ Санъ-Суси, около Потсдама:

A Dieu mon âme,
Ma vie au roi
Mon coeur au dames,
L'honneur pour moi.

(Душа моя принадлежитъ Богу, жизнь королю, сердце женщинамъ, честь оставляю себѣ.) Въ этомъ четверостишіи заключается вся сущность, вся философія рыцарства.

пѣлая выбоина. Кромѣ того, при тщательномъ осмотрѣ, нельзя не убѣдиться, что оно было заклепано, — словомъ, орудіе совершенно исковерканное и рѣшительно негодное къ употребленію. Отыскиваю надписи: № 371, *вѣсу 172 пуда; Изгорскаго завода, 1835 года; начальникъ завода Вильсонъ.*

— Это, вѣроятно, севастопольское орудіе? обратился я къ одному изъ ветерановъ, грѣвшихъ вблизи на солнцѣ.

— Да, севастопольское. Это орудіе съ большими заслугами, прибавилъ онъ черезъ минуту, замѣтивъ, вѣроятно, интересъ, съ которымъ я разсматривалъ:—*Les autres ne sont que des piéces de luxe, кромѣ другаго русскаго, на томъ флангѣ.*

Другое русское орудіе оказалось отличнымъ въ 1793 году, вѣсомъ въ 170 пудовъ, и *еще болѣе поврежденнымъ.*

Можно безспорно сказать, что наши двѣ пушки служатъ лучшимъ украшеніемъ парижскаго Дома Инвалидовъ и, «напоминающая о великомъ событіи» — объ осадѣ Севастополя, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своею увѣчною достойнымъ образомъ напоминаютъ Французамъ, какъ геройски защищались наши войска. Я, право, не квасной патріотъ, искренно признаю за всѣми народами ихъ хорошія качества, ихъ превосходство надъ нами во многихъ отношеніяхъ; но при видѣ этихъ двухъ пушекъ грудь невольно поднялась и чувство народной гордости громко заговорило въ ней. Да, съ нами не такъ-то легко воевать; мы недешево продаемъ побѣды, и одинъ простой французскій зуавъ удачно выяснилъ мнѣ, какъ хорошо понимаютъ это теперь во Франціи.

— Въ Севастополѣ наострились, сказалъ онъ: — а потомъ въ Итали, съ Австрійцами, только руку испортили. (Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду показать, что намъ, молъ, побѣдить Австрійцевъ все равно, что выпить рюмку водки).

Одинъ нѣмецкій историкъ (W. Menzel — «Geschichte der letzten 40 Jahre» (1816—1856), вообще враждебный Россіи, заключая свое описаніе послѣдней восточной войны, говоритъ, что она мало измѣнила положеніе Россіи, не ослабила ея могущества; что, несмотря на большія потери, главнымъ образомъ происшедшія отъ недалководности нашихъ генераловъ и неустройства провіантскаго и комиссаріатскаго вѣдомства, Россія показала, что на нее нельзя нападать безнаказанно, и т. д.

Справедливо, что мы потеряли не очень много въ матеріальномъ могуществѣ. Но что значили бы и большія потери сравнительно съ благотворнымъ нравственнымъ пробужденіемъ послѣ

болѣзненнаго сна, изъ котораго извлекъ насъ громъ сева-
польскихъ орудїй? Правда, не одна война здѣсь дѣйствовала, но
она главнѣйше приготовила умы. Посмотрите, что были мы
только десять лѣтъ тому назадъ, какіе были наши интересы въ
1853 году и какіе въ 1862? Тогда: карты, кулебяка съ капу-
стой, кулебяка съ рыбой, да много, много глумленіе Вагнера
Булгарина въ «Сѣверной Пчелѣ» надъ какимъ нибудь писате-
лемъ, провинившимся въ російской ортографіи. Теперь карты
еще остались, но кулебяку и Булгарина замѣнили освобожденіе
крестьянъ, грамотность, переобразование арміи, гласное судопро-
изводство, желѣзныя дороги и многое другое, о чемъ еще не
обнародовано, но о чемъ уже всѣ думаютъ и говорятъ. Именно
это была «несчастно-счастливая» война. Такъ впередъ же, впе-
редъ, родная Русь! Съ тобою могучая сила русская, которую
не могли сломить вѣка рабства, съ тобою ободрившійся духъ
твоего молодаго поколѣнія, за тебя теперь всѣ люди, любящіе
правду и свободу, готовые простить тебѣ всѣ прежнія неволь-
ныя прегрѣшенія, готовые забыть, что ты долго тормозила
святое дѣло цивилизаціи и прогресса! Одинъ очень умный че-
ловѣкъ сказалъ: «для того, чтобы вести войну, необходимы три
вещи: во первыхъ деньги, во вторыхъ деньги, въ третьихъ
деньги», подразумѣвая, что когда есть деньги, все остальное
явится само собою. Мнѣ кажется, я буду правъ, если его вы-
раженіе переложу такъ: для того, чтобы Россія идти впередъ,
ей необходимы три вещи: во первыхъ просвѣщеніе, во вторыхъ
просвѣщеніе, въ третьихъ просвѣщеніе.

Возвратимся къ инвалидному дому. Внутренность его не пред-
ставляетъ ничего особеннаго. Расположеніе похоже на казарму, въ
которой старались доставить старикамъ нѣкоторыя удобства; но
описывать ихъ скучно. Пройдя нѣсколько дворовъ и корридоровъ,
носящихъ названія извѣстныхъ битвъ (напримѣръ, аустерлицкой)
или военныхъ людей, вы выходите на площадку съ красивой
перговью, въ которой поставленъ гробъ Наполеона I.

Церковь очень оригинальна. Въ серединѣ ея сдѣлано обшир-
ное углубленіе сажени на полторы, обнесенное оградой, такъ
что вы стоите какъ на балконѣ.

Въ серединѣ этого углубленія, на гранитномъ пьедесталѣ,
гробъ гениальнаго человѣка, т. е. большой саркофагъ изъ фин-
ляндскаго гранита; во внутренности его помѣщены деревянный
и свинцовый гроба, въ которыхъ привезено тѣло съ острова

Св. Елены. На полу вьется, кругомъ памятника, большой лавровый вѣнокъ, мозанковой работы, съ исчисленіемъ важнѣйшихъ побѣдъ Наполеона: Риволи, Пирамиды, Маренго, Аустерлицъ, Иена, Фридландъ, Ваграмъ и «Moskowa», какъ называютъ Французы бородинское сраженіе (гдѣ напоминаютъ о Бородинѣ, тамъ, разумѣется, не говорятъ о Березинѣ). Кругомъ гроба, по стѣнѣ двѣнадцать аллегорическихъ фигуръ большаго разиѣра, которыя, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ у мѣста въ христіанскомъ храмѣ. Для того, чтобы войти въ самое углубленіе, надо спуститься въ противоположную сторону, по широкой лѣстницѣ, огибающей его. При входѣ, надъ чугунными дверьми изящной работы, читаете волю императора, выраженную имъ въ духовномъ завѣщаніи и начертанную здѣсь на черной мраморной доскѣ:

«Je désire que mes cendres reposent sur les bords de la Seine, au milieu de ce peuple français que j'ai tant aimé.»

(Я желаю, чтобы прахъ мой покаялся на берегахъ Сены, среди столь любимаго мною французскаго народа.)

Во внутренность никого не пускаютъ. Въ томъ же храмѣ, по сторонамъ, стоятъ гробницы еще двухъ знаменитыхъ людей Франціи: Вобана и Тюрення.

Выйдя изъ церкви, я повернулъ направо и чрезъ нѣсколько сотъ шаговъ очутился на знаменитомъ Марсовомъ полѣ, на которомъ, какъ говорятъ, можетъ свободно помѣститься для смотра 100,000 человекъ. Одну сторону этого плаца, во всю его длину, занимаетъ зданіе, по старому обычаю все еще называемое Ecole-militaire (военная школа), хотя оно уже семьдесятъ лѣтъ не занято военной школой, для которой было построено Людовикомъ XV, а служить казармой.

Казарма эта занимаетъ огромное пространство, цѣлый кварталъ, который больше инаго русскаго уѣзднаго городка. Кромѣ главнаго фасада, выходящаго на Марсово поле и навѣрное имѣющаго болѣе полуверсты, тянется другое зданіе, параллельно первому, фасадъ котораго выходитъ на avenue de Lowendal. Оба соединены между собою еще нѣсколькими корпусами почти такой же величины. Словомъ, желая ознакомиться сначала съ наружнымъ видомъ, я обошелъ все зданіе кругомъ и употребилъ на это полчаса. Не знаю положительно, сколько войскъ можетъ помѣститься въ Ecole-militaire, но думаю, что не менѣе 12,000—14,000, въ томъ числѣ до 2,000 лошадей. Теперь его занимаютъ войска всѣхъ трехъ оружій: линейная пѣхота, артиллерія

и полкъ гвардейскихъ кирасиръ. Кромѣ того, здѣсь имѣютъ квартиры нѣсколько генераловъ, много офицеровъ, помѣщаются разные штабы, канцеляріи и т. п.

О размѣщеніи пѣхоты и артиллеріи я ничего не могу сказать, потому что удовольствовался однимъ наружнымъ осмотромъ. У всѣхъ входовъ стоятъ часовые, но постороннихъ впускаютъ только въ главные, при которыхъ есть караулы или дежурные. Кстати о караулахъ: я здѣсь не видѣлъ ни одной гауптвахты съ платформой, кромѣ во дворцѣ; оружіе помѣщается внутри, и люди, кажется, ни для кого не выходятъ въ строй.) У однихъ воротъ стоялъ часовымъ рослый кирасиръ, съ палахомъ наголо. Кавалерійскія казармы я хотѣлъ видѣть подробно и обратился къ нему съ просьбою разрѣшить мнѣ входъ во внутренность зданій, для осмотра ихъ.

— Не угодно ли вамъ адресоваться къ унтеръ-офицеру, сказалъ онъ, отвѣчая на мой поклонъ по формѣ, прикладывая руку къ козырьку каски, и указалъ на другую сторону воротъ, гдѣ сидѣли на скамьѣ нѣсколько человекъ.

Я повторилъ здѣсь мою просьбу. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ спросилъ меня, вставая:

— Вы иностранецъ?

— Да.

Унтеръ-офицеръ подумалъ нѣсколько секундъ и крикнулъ потомъ въ дежурную:

— Шарпантье!

— Voilà, mon brigadier! тотчасъ отвѣтилъ Шарпантье, выскакивая, становясь на вытяжку и прикладываясь къ козырьку.

— Вы будете такъ добры, говоритъ ему унтеръ-офицеръ вѣжливо-повелительнымъ тономъ: — вы будете такъ добры и покажете этому господину (онъ указалъ на меня) то, что онъ пожелаетъ видѣть въ казармахъ.

— Исполню ваше приказаніе, mon brigadier! отвѣтилъ Шарпантье, опустилъ руку и очень развязно обратился затѣмъ ко мнѣ: — что вы желаете видѣть сначала, monsieur: конюшни, казармы, кухню?

Въ замѣткахъ моихъ «Изъ Пруссіи» («В. Сб.» № 2-й 1862 г.), я подробно описалъ, какъ вошелъ въ казармы 7-го гусарскаго полка, въ Боннѣ, и какихъ мнѣ это стоило тамъ затрудненій. На полученіе позволенія нужно было употребить цѣлые полчаса и подвергнуться кучѣ распросовъ, объясненій. Тамъ меня часовой

грубо встрѣтилъ словами: «куда? что вамъ надо?» Здѣсь, безъ всякой просьбы съ моей стороны, мнѣ даютъ толковаго провожатаго, и весь процессъ оконченъ въ минуту.

Одинъ нашъ путешественникъ, чтобы очертить изысканную вѣжливость Французовъ и нецеремонное обращеніе Нѣмцевъ, часто дѣйствительно доходящее до грубости, приводитъ популярныя выраженія, которыя употребляются тѣми и другими въ разговорѣ, когда они съ вами несогласны во мнѣніи. Французъ говоритъ, начиная опровергать васъ:

— Je vous demande bien pardon, monsieur (покорнѣйше прошу извинить меня) и затѣмъ приводитъ свои доводы.

А Нѣмецъ часто прямо скажетъ:

— Aber sie sind nicht recht geschent! (Да вы не въ своемъ умѣ.)

Правда, что относительно Нѣмцевъ здѣсь взята крайность; но для общей характеристики она кстати.

Не знаю также, для чего Германцы дѣлаютъ тайну изъ своихъ военныхъ учреждений, сущность и даже подробности которыхъ всѣмъ извѣстны, кому надо знать о нихъ. Одинъ польскій помѣщикъ, путешествовавшій для своего удовольствія и имѣвшій привычку носить платье англійскаго фасона, рассказывалъ мнѣ, что, остановившись въ Кобленцѣ на нѣсколько часовъ, онъ вздумалъ взглянуть на Эренбрейтштейнъ, прусскую крѣпость, лежащую на противоположномъ крутомъ берегу Рейна. Онъ встрѣтилъ у воротъ еще большія затрудненія, нежели я въ Боннѣ. Ему объявили, что крѣпость дозволяется видѣть путешественникамъ не иначе, какъ съ письменнаго разрѣшенія самого коменданта. Дѣлать нечего: туристъ объявилъ желаніе просить самого коменданта и былъ отправленъ къ нему, подъ надзоромъ солдата.

Комендантъ холодно встрѣтилъ его вопросомъ:

— Что вамъ угодно?

— Разрѣшеніе осмотрѣть крѣпость, отвѣтилъ Полякъ плохимъ нѣмецкимъ языкомъ.

— Съ какою цѣлью? для чего? не имѣете ли какихъ секретныхъ намѣреній?

— Я не столько интересуюсь самою крѣпостью, сколько прекраснымъ видомъ на окрестность, который долженъ представляться съ высоты, гдѣ она лежитъ.

— Такъ вы даете мнѣ честное слово, что не имѣете никакихъ особенныхъ намѣреній, враждебныхъ нашему правительству?

— Даю съ удовольствіемъ.

Комендантъ приказалъ написать разрѣшеніе, что заняло еще четверть часа, подписалъ его и, вручая, сказалъ (уже любезно улыбаясь, какъ будто хотѣлъ выразить этой улыбкой: вотъ видите, служба службой, а дружба дружбой):

— I wish you many pleasure. (Желаю вамъ пріятно провести время.)

— Извините, я не понялъ васъ.

— Какъ не поняли! Да развѣ я неправильно произнесъ? говорить комендантъ, все еще улыбаясь.

— Не знаю, извините, я, вѣрно, не разслышалъ.

— Да развѣ вы не Англичанинъ?

— Нѣтъ, я Полякъ.

— Вы Полякъ! Какъ же вы мнѣ этого не сказали, Doppelwetter? Я не могу, ни въ какомъ случаѣ, дать вамъ позволеніе. Прощайте.

Мой знакомецъ хотѣлъ что-то сказать въ оправданіе своей національности, увѣрить его въ совершенномъ миролюбіи своихъ намѣреній; но комендантъ повернулся, ушелъ и унесъ уже подписанный билетъ.

Во Франціи входъ во всѣ военныя учрежденія не совершенно свободенъ только потому, что это могло бы давать поводъ къ безпорядкамъ. Но получить позволеніе ничего не стоитъ. Французы даже особенно любезны ко всѣмъ иностранцамъ, которые стоятъ только показать свой паспортъ, чтобы быть впущеннымъ во всѣ музеи, картинныя галереи, дворцы и т. п., даже въ тѣ дни, когда они заперты для самихъ Французовъ. Но извините, однако, за частыя отступленія: все какъ-то къ слову приходится. Да они мнѣ, впрочемъ, и позволены: вѣдь я пишу «бѣглыя замѣтки».

Мы, съ кирасиромъ Шарпантье, начинаемъ осмотръ казармъ, и начинаемъ съ кухни, потому что въ это время трубачь даетъ сигналъ, призывающій къ обѣду.

Кухня — квадратная зала, въ которой нѣсколько длинныхъ столовъ, густо заставленныхъ въ эту минуту многими сотнями небольшихъ котелковъ, кажется, оловянныхъ или изъ какой-то бѣлой композиціи. Каждый котелокъ вмѣщаетъ въ себѣ, я думаю, немного болѣе одной кварты жидкости, т. е. порцію, которая

далеко бы не удовлетворила русскій солдатскій желудокъ. Я не разъ видѣлъ, какъ у насъ два человекъ, перекрестившись, сѣли къ обыкновенному желѣзному ведру, по край наполненному густымъ борщемъ съ бураками, капустой, картофелемъ и крупой, а черезъ полчаса пациенты съ этимъ же ведромъ, но уже пустымъ, вели коней на водопой, насвистывая «долю, мою долю».

— Не осталось борща на вечеръ? спросить бывало.

— Никакъ нѣтъ, ваше бародіе: съ Цыбулей весь «порѣшили».

А Цыбуля набиваетъ себѣ въ это время носогрѣйку и вопросительно-удивленно ворчатъ:

— Зачѣмъ ему оставаться?....

Въ котелки было одинаково накрошено, вѣрнѣе нарѣзано, нѣсколько ломтиковъ бѣлой булки и посыпано немного свѣжей зелени. Какъ только приходилъ солдатъ за своей порціей, все это обливалось хорошимъ, жирнымъ бульономъ, опускалось немного овощей (моркови и капусты) и кусокъ мяса въ треть фунта. Вотъ и обѣдъ. Онъ хорошъ, питателенъ; но нужно, повторяю, обладать воздержностію въ пищѣ, свойственной Французамъ, чтобы довольствоваться имъ. Наши желудки требуютъ, кромѣ питательныхъ веществъ, еще и значительный балластъ, для своего наполненія. Повара (изъ солдатъ) не отличались чистоплотностію, напротивъ напомнили мнѣ нашихъ кашеваровъ, разумѣется, только не во время смотровъ, когда бѣлье и фартухи ихъ вдругъ дѣлаются до того чистыми, что даже шокируетъ немного, съ непривычки. Да и не солдатское дѣло заниматься страпней.

Помѣщенія для людей и конюшни устроены отлично отъ системы, обыкновенно принятой при постройкѣ нашихъ казармъ: нижній этажъ занятъ конюшнею, а верхній собственно казармой. Все длинное зданіе, въ верхнемъ этажѣ, раздѣлено поперечными перегородками на небольшія комнаты, каждая на десять человекъ. Каждая три комнаты, т. е. каждый взводъ, имѣютъ свой ходъ внизъ. Перегородки только между отдѣльными взводами сплошныя, а въ одномъ и томъ же оставленъ проходъ, вдоль стѣны, на которой симметрически развѣшены оружіе и сѣдельныя уборы.

Люди спятъ на форменныхъ желѣзныхъ кроватяхъ, посланныхъ хорошимъ матрацомъ, съ круглою подушкою, обыкновенно употребляемою во Франціи, двумя простынями и теплымъ шерстянымъ одѣяломъ, темно-сѣраго цвѣта, съ каймой. Все это

принадлежить казармѣ, а не полку, какъ у насъ госпитальныя вещи. Нужно сознаться, что очень многимъ изъ нашихъ армейскихъ офицеровъ во всю жизнь не случится поспать такъ мягко и удобно, какъ постоянно спать здѣсь простые солдаты. Надъ кроватями, которыя стоятъ къ перегородкамъ, по пяти съ каждой стороны, нѣсколько рядовъ полокъ, на которыхъ очень красиво и симметрически разставлены и разложены всѣ солдатскіе доспѣхи. На верхней стоятъ ботфорты, каждая пара противъ своего владѣльца, недавно, видно, пожравшіе большое количество ваксы. Подъ ними, на второй полкѣ, кирасы, блестящія какъ зеркало. На третьей возвышается пестрый четверугольникъ, составленный изъ разноцвѣтнаго платья, плотно сложенного. (Кирасиры 1-го гвардейскаго полка носятъ голубые полукафтаны и красныя рейтузы, если въ обыкновенной формѣ, или бѣлыя лосиные, если въ парадной.) Не припомню, гдѣ помѣщены каски, которыя изъ мѣди, съ хребтомъ по срединѣ, возвышающимся отъ задника къ макушкѣ. Здѣсь же прикрѣпленъ къ каскѣ длинный хвостъ изъ черныхъ конскихъ волосъ, падающихъ на спину; съ боку вставляется красный султанъ изъ пѣтушнихъ перьевъ. Каска довольно красива и напоминаетъ древніе шлемы. Въ службы носятъ колпачки, замѣняющіе наши фуражки. Первые красивѣе послѣднихъ, но также неудобны.

Вообще порядокъ въ казармахъ большой, но окна и особенно полы не очень чисты, чего, впрочемъ, нельзя и требовать отъ людей, цѣлый день занятыхъ въ конюшняхъ.

Спустимся и мы въ нихъ. Все зданіе наглухо раздѣлено, вдоль, на двѣ части. Въ каждой изъ этихъ половинъ стоитъ только одинъ рядъ лошадей (полу-эскадронъ), хвостами къ наружной стѣнѣ. Каждое стойло отдѣлено деревянною перегородкою, которая не укрѣплена въ землѣ, а виситъ на цѣпяхъ, соединенныхъ между собою. Этотъ родъ стойлъ распространенъ во Франціи: они могутъ быть увеличены или уменьшены, смотря по надобности.

Кони 1-го гвардейскаго кирасирскаго полка всѣ гнѣдой масти, рослы, но не отличаются ни складомъ, ни породою. Хвосты подстрижены очень коротко, на цѣлую четверть выше колѣнъ, даже больше. Нумеръ каждой лошади выжженъ не на шеѣ, подъ гривой, какъ у насъ, а въ копытѣ, съ полевой стороны. «Тѣло» и чистка не замѣчательны, нѣсколько казакообразны, и привели бы въ ужасъ многихъ изъ нашихъ кавалеристовъ, особенно съ

гвардейской точки зрѣнія. За то ноги и уши акуратно выстрижены, и кони стоятъ на мягкой и чистой подстилкѣ. Если она только загрязнится, намокнетъ, не обратившись еще въ навозъ, то ее выносятъ на дворъ и акуратно укладываютъ, прямою линіею, вдоль стѣнъ конюшни, для просушки. Потомъ она опять идетъ въ дѣло. Моча остается, разумѣется, большею частію, въ подстилкѣ; та, которая собирается въ отводныхъ желобахъ, тотчасъ гонится по нимъ метлою въ резервуары. Это дѣло дежурнаго по взводу. Такимъ образомъ, очищается нѣсколько воздуха; но онъ все-таки далеко не такъ чистъ, какъ въ прусскихъ конюшняхъ, гдѣ лошади стоятъ днемъ вовсе безъ подстилки, на камняхъ. Вопросъ: что выгодиѣе и необходиѣе беречь въ лошади: легкія или ноги? Здѣсь полъ также вымощенъ, но не кирпичемъ, а булыжникомъ, и не представляетъ такой гладкой поверхности. Навозныхъ ямъ вовсе нѣтъ: какъ только, утромъ, навозъ вынесенъ изъ конюшенъ въ назначенное мѣсто, его забираютъ окрестные фермеры и огородники, своими лошадьми, да еще платятъ, за позволеніе взять, хорошія деньги. Водопой устроенъ передъ конюшней, въ большихъ каменныхъ корытахъ, гдѣ стоитъ только открыть мѣдный кранъ, чтобы въ нѣсколько минутъ наполнить его водой. Кромѣ того, на случай ненастной погоды и для разныхъ надобностей, встрѣчающихся въ конюшнѣ, есть корыта и внутри конюшенъ, но меньшаго размѣра.

Сѣно и солома получаютъ въ эскадроны въ пачкахъ, изъ которыхъ каждая составляетъ дневную дачу на одну лошадь. Такъ какъ сѣно закладывается только три раза въ день, то каждый разъ одну такую вязанку, имѣющую не болѣе 8 фунтовъ, раскладываютъ на трехъ коней. Лошади кованы на всѣ четыре ноги, потому что полкъ содержитъ конный караулъ у дворца императора, въ Тюльери (гдѣ, у главнаго вѣзда, стоятъ днемъ два конныхъ часовыхъ) и, кромѣ того, дѣлаетъ ночные разъѣзды по городу. Если лошади не заняты службой, то имъ дѣлаютъ проѣздку (*une promenade*). Солдатъ, въ домашней формѣ, садится на лошадь засѣдланную, беретъ другую подъ узды, и такъ весь эскадронъ, подъ надзоромъ одного офицера и нѣсколькихъ унтеръ-офицеровъ, ѣздитъ по близълежащимъ улицамъ или Марсову полю часъ или полтора, чтобы кони хорошо вспотѣли. Полки, приходящіе въ Парижъ для гарнизонной службы, почти не дѣлаютъ конныхъ ученій, ни эскадрон-

ныхъ, ни полковыхъ. Но мотионъ этотъ доставляется лошадямъ всякій день, если нѣтъ службы и погода позволяетъ. Кавалерійскіе полки смѣняются въ Парижѣ всякій годъ, какъ у насъ въ Варшавѣ.

На дворѣ вдругъ раздался какой-то маршъ. Это трубачи, въ полной парадной формѣ, готовятся куда-то идти играть, и кавальмейстеръ, вѣроятно, дѣлаетъ «*репетицію*». Они одѣты совершенно иначе, нежели полкъ, къ которому принадлежатъ. У нихъ красные полукафтаны, шитые шнуromъ, въ родѣ нашихъ гусарскихъ, и свѣтло-голубые рейтузы; сидятъ на сѣрыхъ коняхъ. Трубачей обступили нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ и унтеръ-офицеръ, читавшій, въ то же время, новый номеръ газеты «*Moniteur de l'armée*».

Часть изложенныхъ мною свѣдѣній была толково сообщена мнѣ Шарпантье, пересыпавшимъ свою рѣчь рассказами о Крымѣ, медаль за который носилъ на груди; но въ дѣлахъ онъ не былъ, о чемъ жалѣлъ. Шарпантье былъ типъ Француза, съ черными волосами и глазами, вертлявый, говорливый, въ родѣ нашихъ парижмахеровъ. Прощаясь, я предложилъ ему двуфранковую монету. Онъ не хотѣлъ было брать, но потомъ, оглядѣвшись по сторонамъ и убѣдившись, что никто не смотритъ, поблагодарилъ, взялъ, сунулъ ее въ карманъ и объявилъ, что «выпить на нее за храбрую русскую армію».

За эту выходку я чуть не далъ ему еще двухъ франковъ.

Изъ казармъ я пошелъ по *avenue de l'Alma*.

Перейдя Сену по «*Альмскому*» мосту, основанія котораго украшены четырьмя колоссальными фигурами французскихъ солдатъ, изсѣченными изъ камня, я направился къ «Елисейскимъ полямъ».

Тутъ выставлена теперь, въ нарочно устроенномъ (около дворца бывшей въ 1855 году всемірной выставки) зданіи, называемомъ *palais de l'industrie*, панорама Севастополя. Мнѣ кажется, что для человека, не бывшаго въ Севастополѣ во время осады, нѣтъ лучшаго средства ознакомиться съ нею, какъ посещение этой панорамы. Строеіе, въ которомъ она помѣщается, совершенно кругло. По срединѣ устроено возвышеніе сажени въ двѣ съ половиной, на которое вы взбираетесь по круговой лѣстницѣ, идущей внутри. Это возвышеніе представляетъ первый ярусъ Малаховой башни (другіе были разрушены еще въ началѣ осады), и кругомъ, на стѣнѣ, имѣющей 122 метра (при-

близительно 170 шаговъ) въ окружности и 20 метровъ высоты, вашими взорамъ представляется въ отчетливомъ рисункѣ, масляными красками на полотнѣ, то, что дѣйствительно было видно съ настоящей Малаховой башни въ день послѣдняго штурма. Отправляясь въ панораму въ первый разъ, я ожидалъ найти какое нибудь произведеніе аляповатой кисти, въ родѣ петербургскихъ балаганныхъ панорамъ, но тотчасъ же былъ пріятно разочарованъ. Рисунокъ, какъ я сказалъ, исполненъ довольно артистически, такъ что, съ помощію маленькой фантазіи и при извѣстномъ настроеніи духа, вы можете забыть, что передъ вами не дѣйствительность, а только картина. Для большей иллюзіи, интервалы между возвышеніемъ, представляющимъ башню, и картиною наполнены пескомъ, камнями, ядрами, баниками, даже разставлено нѣсколько деревянныхъ пушекъ.

На самомъ Малаховомъ курганѣ представлено то время (около пяти часовъ пополудни), когда наши войска уже очистили главную часть его, обращенную къ неприятелю и на которую были направлены сильнѣйшій огонь и атака. На разрушенныя, только что взятые укрѣпленія взошли маршалъ Пелисье, генералъ Ніэль и ихъ штабъ, всѣ изображенные въ портретахъ. Нѣскольکو правѣе, зуавъ водружаетъ французское знамя; около него трое другихъ, горнисты, только что влѣзли и даютъ сигналъ, вѣроятно къ наступленію, войскамъ, которыя еще внизу. Эта группа особенно рельефна и первая бросается въ глаза, когда вы входите наверхъ, что, разумѣется, устроено не безъ умысла. Ничто не доставляетъ Французу большаго удовольствія, какъ напоминаніе побѣдъ его націи. Раненые и убитые обѣихъ армій лежатъ вездѣ, но Русскихъ, разумѣется, больше, потому что картина писана Французами и для Французовъ. Хорошо еще, что они воспользовались этимъ преимуществомъ не слишкомъ недобросовѣстно. Одинъ русскій артиллеристъ представленъ съ раздробленной головой, на орудіи, которое онъ судорожно обнялъ въ послѣднія минуты жизни.

— Oh! le brave! замѣтила около меня хорошенькая брюнетка, съ усиками, черными глазенками, въ которыхъ сверкали мужество и рѣшительность.

Типъ этотъ часто встрѣчается во Франціи.

— Пойдемъ въ другую сторону, отвѣтила ей другая, постарше и послабонервнѣе: — я не могу видѣть это побойще. За что они убиваютъ другъ друга?

— Какъ за что? Да....

Дальше не разслышалъ. Въ другой сторонѣ укрѣпленія бой еще продолжается, но слабо. Сотня нашихъ солдатъ, переревенныхъ и почти обезоруженныхъ, забила въ уголъ и не сдается. Тутъ французскіе саперы тушатъ пескомъ занявшійся пожаръ, при чемъ, какъ говорятъ, наткнулись на электрическія проволоки, которыя были проведены къ минамъ, и спасли своихъ отъ путешествія въ воздухъ. Тамъ, поближе къ городу, наши еще держатся кое-какъ, стрѣляя изъ закрытыхъ ходовъ и задерживаютъ напирющаго непріятели. За ними видѣнъ Севастополь, какъ на ладони; далѣе море; правѣе гавань, съ послѣдними представителями черноморскаго флота. Входъ въ нее защищенъ двумя рядами потопленныхъ кораблей. Черезъ бухту перекинутъ пловучій мостъ, по которому проходитъ отрядъ нашихъ войскъ. Вскорѣ этотъ мостъ долженъ былъ послужить для отступленія всей арміи на сѣверную сторону. «*Le seul point que nous n'avons pas pris*», какъ объясняетъ публикѣ, въ скобкахъ, владѣлецъ панорамы. Однако, этотъ «point» что нибудь да значить.

Въ противоположной городу сторонѣ возвышаются амфитеатромъ инкерманскія высоты и Зеленый курганъ, съ флагомъ палатки Пелисье, изъ которой былъ данъ сигналъ къ штурму, и тянутся ряды длинныхъ и пересѣченныхъ линій осадныхъ работъ. Ставши лицомъ къ Зеленому кургану, вы видите съ лѣвой стороны натискъ французскихъ, а съ правой англійскихъ войскъ на другія наши укрѣпленія, которыя еще долго держались. Съ помощію обыкновенной зрительной трубки, ясно различаешь на полотнѣ, вдали, движенія различныхъ войскъ и отдѣльныя группы. Но всего пересказать и перечестъ невозможно на картинѣ, имѣющей 122 метра длины и 20 высоты. Нужно видѣть, нужно простоять передъ нею три или четыре часа, чтобы понять и оцѣнить ее. Разумѣется, здѣсь нельзя найти строгой исторической и топографической вѣрности; но дѣло не столько въ нихъ, сколько въ томъ, чтобы дать зрителю общее понятіе о происходившемъ, и цѣль эта, какъ я уже замѣтилъ, вполне достигается. Для лучшаго же уразумѣнія можно пріобрѣсть тутъ же, за бездѣлицу (12½ коп.), описаніе взятія Малахова, съ реляціями маршала Пелисье и князя Горчакова и съ прекраснымъ планомъ всей обозрѣнной мѣстности.

О самой осадѣ Севастополя писали очень много за границую.

Дѣлаю извлеченіе изъ писемъ одного путешественника по Россіи, которое скажетъ, что такое Севастополь послѣ осады, въ 1861 году: (*)

«До осады, въ Севастополѣ было 40,000 жителей; теперь въ немъ врядъ ли болѣе 5,000 — 6,000. Цѣлыя улицы въ развалинахъ: ничто не поднято, ничто не исправлено. Изъ двадцати домовъ найдется развѣ одинъ, въ которомъ можно жить. Заливъ, образующій одинъ изъ красивѣйшихъ и безопаснѣйшихъ портовъ всего земнаго шара, такъ же пустыненъ, какъ и городъ. Какой-то Американецъ предпринялъ поднятіе судовъ, потопленныхъ во время осады. Эти суда образуютъ теперь искусственныя мели, которыя становятся съ каждымъ днемъ опаснѣе, такъ какъ къ нимъ наносится все болѣе и болѣе песку. Къ сожалѣнію, антрепренеру удалось до сихъ поръ поднять только небольшія суда, по недостатку нужныхъ средствъ. Вытаскиваютъ орудія, ржавыя ядра и т. п.

«Но мы спѣшимъ осмотрѣть Малаховой башни, верхушка которой видна версты за двѣ. Молодой офицеръ генеральнаго штаба, состоявшій при генералѣ Тотлебенѣ, г. О*, предложилъ быть нашимъ проводникомъ. Г. О* провелъ четыре мѣсяца на Малаховѣ во время осады и возвратился теперь въ Севастополь для того, чтобы снять нужные планы и собрать матеріалы для описанія осады, которымъ будутъ исправлены ошибки журнала генерала Ніэля. Сперва путь идетъ надъ южною бухтою, мимо развалившихся зданій морскихъ казармъ. Проводникъ нашъ указываетъ на прежнее мѣсто доковъ, chef-d'oeuvre англійскаго инженера, отъ которыхъ теперь не осталось и слѣда.»

Слѣдуетъ описаніе Малахова, его осады и взятія, которое я опускаю. Оно заключено такъ:

«Образовались цѣлыя горы тѣлъ. Французы и Русскіе погребены всѣ вмѣстѣ, въ общей могилѣ, которую обозначаетъ теперь черный крестъ; на немъ начертаны слѣдующіе плохіе стихи:

«Unis pour la victoire,
Reunis par la mort.
Du soldat c'est gloire
Des braves c'est le sort!».

(*) «Lettres sur la Russie» par Molinari, professeur d'économie politique etc. Bruxelles 1861 г. Стр. 266.

(Собравшись для побѣды, они соединены смертью. Такова слава солдата, такова участь храбрыхъ!)

Г. Молинари продолжаетъ:

«Нѣсколько бѣдняковъ роются въ разрушенныхъ блиндажахъ, выкапывая пули, ядра и разные осколки. Какъ добросовѣстный туристъ, я запасаюсь воспоминаніями о Малаховѣ. Нашъ обязательный проводникъ предупреждаетъ насъ, однако, что, такъ какъ эти предметы воспоминаній становятся уже рѣдки на Малаховѣ, то ихъ приносятъ сюда изъ другихъ укрѣпленій Севастополя, менѣе знаменитыхъ, тщательно закапываютъ и потомъ, какъ будто нечаянно, вырываютъ на глазахъ у довѣрчиваго путешественника. Крупный осколокъ стоитъ отъ 15 — 20 коп.; пистонъ усовершенствованной бомбы (эти усовершенствованныя бомбы дѣйствовали *очень* плохо) доходить до 50 коп. Бывши членомъ мирнаго конгресса, я даю предпочтеніе невинному и усовершенствованному пистону. Любезный проводникъ нашъ объяснилъ намъ также происхожденіе имени Малаховой башни. Какой-то эскъ-матросъ Малаховъ, любившій выпить, устроилъ близъ кургана кабачекъ, въ которомъ самъ подавалъ хорошій примѣръ другимъ потребителямъ. Кабачекъ былъ названъ именемъ его владѣльца, а потомъ весь курганъ именемъ кабачка, съ тѣмъ, чтобы передать его позднѣе герцогу (маршалу Пелисье).

«Мы возвращаемся въ нашу гостинницу около пристани. Это большое и чистое зданіе, перестроенное наново. Мѣсто и стѣны нынѣшній владѣлецъ ея купилъ за ничтожную сумму (2,000 руб.). Вскорѣ наступила тихая, ясная лунная ночь. Вдругъ раздались надъ нами звуки вальса: это военная музыка играетъ, по обыкновенію, въ публичномъ саду; садъ же лежитъ на холмѣ, къ которому прислонилась гостинница. Мы отправились туда, но концертъ уже кончился. Гуляющихъ было мало, и тѣ расходились по своимъ домамъ, окруженнымъ щебнемъ полуразвалившихся сосѣдей. Мы видѣли широкія плиты, подъ которыми покоятся тѣла трехъ адмираловъ, убитыхъ во время осады: Корнилова, Нахимова и Истомина. Вскорѣ здѣсь будетъ поставлена часовня. Въ концѣ сада возвышается статуя Казарскаго, героя войны 1828 года, почти одна оставшаяся неповрежденною во время осады. Отсюда видно море, бухту и курганы, образующіе какъ бы возвышеннымъ ступени обширнаго амфитеатра, въ чертѣ котораго лежатъ остатки того, что было когда-

то Севастополю. Живописныя развалины церкви, построенной по образцу древняго храма, огромный корпусъ морскихъ казармъ, напоминающій, въ перспективѣ, фантастическія развалины Вавилона и Ниневіи, прославленныя рисунками Мартэна, нѣсколько огней, трепетавшихъ въ густой темнотѣ ночи, могильная тишина, въ которую былъ погруженъ этотъ островъ города, — словомъ, все окружающее составляло одну изъ самыхъ поразительныхъ и грандіозныхъ картинъ, когда либо волновавшихъ мои чувства. Я думалъ, что, шесть лѣтъ тому назадъ, этотъ мертвый городъ кипѣлъ жизнью, и спрашивалъ себя: къ какимъ результатамъ привели разрушеніе и побоище, которыми такъ гордятся двѣ наиболѣе цивилизованныя націи свѣта? Правда, Севастополь теперь только куча развалинъ, но развѣ восточный вопросъ рѣшенъ?... На другое утро мы выѣхали въ Бахчисарай.»

В. ДЕДЛОВЪ.

Парижъ, 5 (17) апрѣля 1862 года.
